

Д'Аннунцио, въ прошломъ году выпустившій въ свѣтъ трагедію въ стихахъ «Франческа», недавно далъ новое произведеніе своей музы—огромный томъ стиховъ. Это не отдѣльные стихотворенія, а нѣчто въ родѣ поэмы или оды, при томъ такихъ, которыя обѣщаютъ дойти до колоссальныхъ размѣровъ, хотя не имѣютъ опредѣленнаго содержанія. Передо мною лежатъ только первый томъ этой странной поэмы, гдѣ въ пестрой кучѣ свалены всевозможный матеріалъ, и такихъ томовъ авторъ обѣщаетъ еще шесть. Д'Аннунцио какъ-то говорилъ мнѣ, что его напрасно считают дѣтствомъ, что онъ работяжикъ неутомимый, работающій по 14—18 часовъ въ сутки и прерывающій занятія только тогда, когда чувствуетъ себя вынужденнымъ. Такъ оно кажется и есть въ дѣйствительности; иначе плодотворность его послѣднихъ лѣтъ была бы необъяснимою: такъ лихорадочна его дѣятельность и такъ быстро выходятъ изъ подъ его пера одно за другимъ произведенія разнообразнаго характера, но всегда крупныхъ размѣровъ.

Новая его книга называется «Laudi del cielo del mare della terra e degli eroi» (Хвалы небу, морю, землѣ и героямъ). Такъ какъ д'Аннунцио все-таки декадентъ, несмотря на свой талантъ, не нуждающійся въ подобной одеждѣ, то онъ позаботился подчеркнуть нѣкоторыя стороны своего произведенія. Прежде всего онъ и придалъ по возможности загадочный смыслъ своему произведенію, а для начала посвятилъ его созвѣздію Плеядъ. Посвященіе—какъ всякое другое. Авторы, старающіеся всяческимъ образомъ обратить на себя вниманіе, посвящаютъ свои сочиненія умершимъ великимъ людямъ, всѣмъ лицамъ, «кромя непонимающихъ», посвящаятъ даже самимъ себѣ. Почему стало быть не посвятить книги и Плеядамъ или созвѣздію Большой Медвѣдицы?!. Такъ какъ первая звѣзда въ Плеядахъ называется Майей, то первый томъ д'Аннунцио посвященъ специально этой звѣздѣ, въ ожиданіи, пока дойдетъ чередъ до Электры, Альционы и другихъ нимфъ, которыхъ астрономамъ угодно было засадить въ созвѣздіе Плеядъ. Выбѣтъ съ тѣмъ книга посвящена и «судьбѣ». Последнее посвященіе надо конечно понимать въ смыслъ судьбы, которая опредѣлялась рокомъ каждому смертному, рожденному въ сферѣ той или другой звѣзды, того или другого созвѣздія. Если мое объясненіе покажется читателю неточнымъ или даже совсѣмъ невѣрнымъ, не буду спорить и записывать его. Въ этой книгѣ, гдѣ все запутано съ начала и до конца, запутано и само посвященіе, потому что грамматически

(по-итальянски) оно не досказано и его можно понимать разное.

Вся эта запутанность сдѣлана не просто. Вообще итальянскіе современные поэты, за исключеніемъ Ады Негри, любятъ выпренность, а д'Аннунцио еще болѣе другихъ. Онъ въ своихъ стихотвореніяхъ, а въ послѣднее время и въ романахъ, какъ московскія дѣвицы: «словечка съ простотой не скажетъ, все съ ужимкой». Ужимка эта помогаетъ ему возвыситься въ глазахъ простоватаго читателя, склоннаго отыскивать особый, глубокий смыслъ или поэзію тамъ, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ красивой фразы или проявленія эрудиціи. «Должно быть хорошо,—думаетъ такой простоватый читатель,—когда я не понимаю». А такъ какъ ему совѣстно признаться открыто въ непониманіи, то онъ тотчасъ же и записывается въ рядъ восторженныхъ поклонниковъ произведенія, гдѣ болѣе силности или дерзости, чѣмъ вдохновенія и содержанія. Но итальянцы—скептики по натурѣ еще со временъ Овидія, Проперція и Лукіана; декадентскими формами ихъ не очень-то легко обморочить. Новая книга д'Аннунцио встрѣтила сомнительный приѣмъ въ публикѣ и у болѣе части итальянскихъ критиковъ. Книгу упрекали прежде всего за его темный языкъ, за изысканность выраженій, которыми любитъ проглотить д'Аннунцио. Онъ если не создастъ новыхъ словъ—при той законченности формъ и выраженія, которой достигъ въ настоящее время итальянскій языкъ, это было бы довольно трудно.—то отыскиваетъ старыя слова и формы, настолько вышедшія изъ употребленія, что онѣ непонятны огромному большинству его читателей, безспорно образованныхъ. Разсказывая мнѣ о приемахъ своей работы, авторъ «Франчески» сообщилъ между прочимъ, что постоянно роется въ старыхъ или въ областныхъ словаряхъ, отыскивая слова и обороты, красивыя сами по себѣ, но вышедшія изъ употребленія. «Этимъ путемъ я дѣлаю мой стиль болѣе выразительнымъ и точнымъ»—говорилъ онъ.

Не знаю, насколько такой стиль можно считать точнымъ, но, когда д'Аннунцио необходимо, онъ дѣйствительно достигаетъ манеры XIV столѣтія, подходит къ языку Данте, Петрарки и ихъ современниковъ, при которыхъ итальянскій языкъ еще далеко не освободился отъ связывавшихъ его латинскихъ путъ, но въ то же время былъ разнообразнѣе теперешняго итальянскаго языка и по крайней мѣрѣ свободнѣе отъ галицизмовъ и французскихъ оборотовъ. Въ своей одѣ-поэмѣ, посвященной Плеядамъ, д'Аннунцио неизвѣстно зачѣмъ затолкаетъ вернуться къ стилю XIV столѣтія. Вообразите удовольствіе читателя, которому предлагаютъ поэмъ въ 8400 стиховъ подобнаго языка, не считая вступленія! Сообщить объ этомъ числѣ позаботился

самъ авторъ, старательно пересчитавъ свои строчки и поставивъ соответствующую цифру при каждомъ пятидесятии.

При всей своей талантливости д'Аннунцио всегда подражаетъ кому-нибудь, всегда пользуется чьею-нибудь чужою формою или обликомъ, если уже прямо не заимствуетъ идею и философское міросозерцаніе поимому матеріально ему присущаго чувственнаго спиритуализма (или обратно—спиритуальной чувственности). Если раньше ему приходилось пользоваться Достоевскимъ, Толстымъ, Ницше, даже Р. Вагнеромъ, не говоря о поэтахъ классическаго міра—Овидіи, Вергиліи, Горации, Марціалѣ и другихъ, то въ настоящее время онъ обратился къ св. Франциску Ассизскому, тоже одному изъ писателей XIV вѣка. Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, что я не ошибаюсь, указывая на источникъ, гдѣ надо искать основную идею его поэмы. Есть прелестная книжка въ церковной католической литературѣ, называющаяся «Fioretti di s. Francesco». Въ ней находится ода, принадлежащая перу снотого, восторженно описывающая красоту неба, моря, земли. Она такъ и называется, сколько мнѣ помнится,—въ эту минуту у меня нѣтъ ея подъ рукою,—«Laudi della terra» и т. д. Совершенно стало-быть такъ, какъ называется книга д'Аннунцио. Она мало кому извѣстна, теперь въ особенности, когда клерикальная литература не въ почетѣ; но въ всякаго сомнѣнія она извѣстна итальянскому поэту, о которомъ идетъ рѣчь. Особеннаго плагиата тутъ конечно нѣтъ, но формою оды св. Франциска, ея идеею, быть можетъ даже ея настроеніемъ современный поэтъ воспользовался, сохранивши даже въ названіи латинское прованное слово «Laudi» вмѣсто итальянскаго «lodi». Только св. Францискъ является поэтомъ христіанскаго міросозерцанія, который въ природѣ и во всемъ твереніи видитъ благодать и величіе Божья, тогда какъ д'Аннунцио—язычникъ по міровоззрѣнію, старательно подчеркиваетъ особенності послѣдняго. Онъ, какъ и г. Мерзковский, думаетъ о «воскреснувшихъ богахъ»,—даже болѣе, о полномъ господствѣ паганизма надъ христіанствомъ.

Во вступленіи къ поэмѣ, написанномъ поразительно красиво, полнымъ яркихъ и образныхъ сравненій, онъ восклицаетъ: «Лживъ былъ голосъ, сказавшій, что умеръ великій Панъ».

Ничего поваго въ этомъ псевдѣданіи. Давно всѣ поэты, одухотворявшие природу, даже нашъ А. Н. Майковъ, возмущались, что живъ великій богъ древности, олицетворявшій собою природу. Все дѣло въ томъ, какъ сказать. Въ искусствѣ все старо, вѣтъ ничего, что не было бы сказано раньше насъ. Новою можетъ быть только форма и въ ея новизнѣ, яркости и оригинальности заключается секретъ успѣха художника. Я поэту не ставлю въ вину д'Аннунцио его

неоднократныя заимствованія и пользованіе чужимъ матеріаломъ, чужими идеями и рѣчью только его умѣнье претворить этотъ матеріалъ въ собственное добро, дать ему яркую форму, найти выраженія, которыя захватываютъ читателя даже противъ его воли.

Въ вступленіи онъ между прочимъ яркими красками описываетъ полдень знойнаго дня, замершаго точно въ ожиданіи какой-то крупной вѣсти, которая должна потрясти все, переменить все міросозерцаніе.

«Яркій былъ день, о дѣти (земли), и солнце пылало,

Тишь водъ возносилась къ нему, предлагая Его пламенный ароматъ.

Очищающей соли, счастливыя волны, Дыханье замершей скалы, водоросль легкую,

Дыханье мыса, впередъ изогнувагося Какъ левъ, протянувшій въ засаду когти-

стную лапу,—

Дыханье залива, надъ которымъ возносился городъ,

Полный страданій; ютились въ стѣнахъ, Дыханье стеклянныхъ потоковъ,

И сверкающихъ входовъ пещерныхъ, Гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ, да вѣтеръ.

Всюду затишье, сила и свѣтъ, выбѣтъ съ желаньемъ.

Ожиданіе чуда расширило все мое сердце, Точно стало оно міровымъ вожделѣньемъ.

Смертное тѣло ждало съ нетерпѣньемъ Возможности видѣть не прежній, иной яр-

кій свѣтъ,

Точно солнце дало новую силу крови. Я самъ сдѣлался солнцемъ.

Меня наполняло безконечное небо Ширь равнинъ и глубокое море.

И съ вершины небесъ до основы морей Осѣтило мгновенно звучащее жгучее слово: «Панъ великій не умеръ, нѣтъ онъ не умеръ!»

Вилы жпы, дрожали лѣса и всѣ скалы, И воды, цвѣты, поля и дуга и все что жив-

ветъ на землѣ: «Панъ великій, не умеръ, нѣтъ, онъ не умеръ!»

Все живое дрожало какъ листъ, какъ капля воды, Какъ искра подъ молніей и громомъ этихъ

словъ: «Панъ великій не умеръ, нѣтъ, онъ не умеръ».

Дикимъ восторгомъ дышатъ эти слова, переведенныя мною размысленною прозою.

Такъ можетъ чувствовать только человѣкъ, отзывающійся на сокровенную душу природы. Тутъ повѣрно ставится желаніе свое и видѣть въ каждомъ кусточкѣ улыбающихся и манящихъ нимфъ и дріадъ, козловыхъ сатировъ и веселыхъ фавновъ, круглящихся въ странномъ хороводѣ, видѣть наконецъ самихъ боговъ, вернувшихся съ порослаго травомъ Олимпа.

«И богъ мнѣ сказалъ: поэтъ, источникъ я вѣчный; Вода мнѣ хвалу безконечную».

На этотъ призывъ слѣдуетъ страстное сопласіе. Все, что представится поэту на землѣ, все послужитъ темою для его пѣсенъ, все въ мірѣ представляется ему частью вновь обрѣтеннаго божества. Онъ не забудетъ ни людскихъ дѣяній, ни красоты лилій, цвѣтущихъ въ поляхъ.

Но вотъ что забавно: выслушавъ восторженную лирику поэта, богъ прибавилъ совсѣмъ не ктати: «О, сынъ мой, не позабудь воспѣть и свои лаиры».

Эта хвастливость поэта, собирающагося воспѣвать самого себя, звучитъ комически, точно фальшивая нота, поставленная нарочно въ самый патетическомъ мѣстѣ. Это комическое самовосхваленіе встрѣчается у другихъ поэтовъ, у Гейне наиримѣръ, но одобрять подобную черту нельзя. Эта хвастли-

вость не способствуетъ пріобрѣтенію друзей и итальянскимъ поэтомъ. Тѣмъ не менѣе съ его недостатками приходится мириться въ виду несомнѣмыхъ достоинствъ: пламенной фантазіи, умѣнья выбирать яркія краски, давать обороты, часто приходящіе къ свѣжимъ формамъ. Д'Аннунцио дѣлительно поэтъ даже и не среди вырешетовъ, которыми полюбъ итальянскій Нарнасъ.

Такимъ образомъ вступленіе даетъ намъ опредѣленіе того, что должно ожидать какъ къ «Майѣ», такъ и въ послѣдующихъ шести томахъ, посвященныхъ Плеядамъ. Затѣмъ начинается безконечный рядъ стихотвореній, слѣдующихъ одно за другимъ, какъ станы въ одѣ, достигающій той чудовищной цифры рифмованныхъ и не рифмованныхъ стиховъ, которая отмѣчена выше. Все, что понадается д'Аннунцію на глаза, возбуждаетъ его фантазію. Фантазіи ему не занимать стать. Когда ему нѣсколько лѣтъ назадъ вздумалось поставить свою кандидатуру въ парламентъ, онъ долженъ былъ говорить рѣчь передъ своимъ избирателями—Пескары, кажется. Ни съ того, ни съ сего, вмѣсто того, чтобы коснуться экономическихъ вопросовъ, интересовавшихъ горожанъ, онъ вдругъ заговорилъ объ изгороди, отдѣлявшей дорогу отъ поля, гдѣ происходило избирательное собраніе. И говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ богатствомъ сравненій и образовъ, съ такимъ увлеченіемъ, что избиратели забыли, для чего собрались, и хотя мало что поняли изъ рѣчи д'Аннунцио, но единогласно выбрали его депутатомъ, въ чемъ довольно скоро впрочемъ раскаялись.

Кстати, поставлю здѣсь маленькія скобки. У насъ убѣждены—и я самъ прежде такъ думалъ—что д'Аннунцио есть псевдонимъ, что у итальянскаго поэта есть другое имя, которое ему принадлежитъ по рожденію. Г-нъ П. Морозовъ, переведшій «Франческу» и снабдившій свой переводъ ученымъ примѣчаніями, тоже считаетъ псевдонимомъ имя, которымъ подписывается поэтъ, не приводя однако его настоящаго имени. Это не-

вѣрно. Фамилія д'Аннунцио его настоящаго имени. При выборахъ въ парламентъ имъ были представлены бумаги, удостоверяющія его полныя права на носимое имя и въ парламентѣ онъ засталъ, какъ д'Аннунцио, а не съ инымъ какимъ-нибудь именемъ. Легенду о псевдонимѣ цѣлѣмъ въ ходъ его враги, выдумавшіе, что его полное имя есть Ринальто. Это слово, производное отъ гара (рѣна), звучитъ смѣшно для итальянскаго уха само по себѣ и сверхъ того имѣетъ другой, уже оскорбительный смыслъ. Прозвищемъ «рѣны» и всѣмъ производнымъ отъ этого слова награждаютъ въ Италіи дурачковъ, вообще глупыхъ людей.

Возвращаясь къ поэмѣ. Можно было бы перевести кое-какія отдѣльныя стихотворенія оттуда: въ ней рядомъ съ вульгарностями и грубостью дурного тона попадаются удивительныя по силѣ и по воображенію картины, преимущественно древняго міра. Эрудиція въ поэмѣ бездна. Кто недостаточенъ знакомъ съ мифологіею, вообще съ тонкостями классическаго міра, легко можетъ попасться въ просакъ; переводчику слѣдуетъ быть внимательнымъ. Въ цѣломъ поэмѣ по-моему не заслуживаетъ перевода, во всякомъ случаѣ не можетъ интересовать русскаго читателя, но отдѣльныя мѣста ея превосходны и заслуживаютъ того, чтобы ознакомиться съ ними.

Стихъ «Майи» разнообразенъ, какъ всегда у д'Аннунцио. Попадаютъ разные метры, включая до «квиннарія» (пятисложнаго стиха). Нѣтъ кажется только ни одного «эндекасиллаба» (одинадцатисложнаго стиха), столь характернаго для итальянскаго стихосложенія. Большею частью стихи не рифмованные, что значительно облегчаетъ переводъ.

Напечатана «Майя» роскошно, но рѣна не дорога, какъ не дороги всѣ вообще итальянскія изданія. Д'Аннунцио любитъ вышнюю роскошь въ изданіяхъ своихъ сочиненій и въ послѣднее время прилагаетъ особая старанія, чтобы самая наружность книги отвѣчала общему характеру ея содержанія. «Франческа» наиримѣръ издана in 4° на пергаментной бумагѣ, напечатана прифтомъ XV столѣтія, съ цвѣтными заставками, съ гравюрами старой манеры; она имѣетъ видъ такой книги, которую всякій библиофилъ съ особымъ удовольствіемъ помѣститъ въ свою библіотеку. Несмотря на роскошь изданія, она стоитъ всего 7 фр. 50 сантимовъ, притомъ въ переплетѣ. Точно такъ же оригинально издана «Майя», но рѣна ея нѣсколько дороже—десять франковъ, вѣроятно за то, что переплетъ ея сдѣланъ изъ пергамента или чего-то похожаго на пергаментъ. Умудряются же итальянцы соединять дешевицу съ красотой изданія.

М. Ивановъ.